

НЕВА

1

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Марина НЕМАРСКАЯ
Стихи • 3

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО
Заканчивался февраль. *Повесть* • 7

Владимир КОСОГОВ
Стихи • 34

Ованес АЗНАУРЯН
Любовники. *Рассказ* • 39

Андрей БОЛДЫРЕВ
Стихи • 48

Георгий ПАНКРАТОВ
Скрипка. *Повесть* • 53

Людмила КЛОЧКО
Стихи • 83

Лера ТИХОНОВА
Мадам Левомеколь. *Повесть* • 87

Iguar ROFE
Две истории. Плохой человек. Сделка с космосом • 113

Сергей УТКИН
Воздвижение пустоты. *Миниатюры* • 123

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Владимир РЕЦЕПТЕР
Теорема «Русалки» • 136

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

12+

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Антон РАЙКОВ

Рассказ и История • 175

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Год литературы. Юлия Щербинина. Онкологос. **Эпоха и образы.** Ренат Беккин. Три сюрприза от Кормильцева. **Рецензии.** Монологи о травелогах. *Вступительное слово* Игоря Сухих. *Дарья Облинова*. Игра в ассоциации. Анастасия Безвесельная. Одно необычное путешествие. Кирилл Филатов. Бездарное & Напыщенное. Елена Васильева. Учебник для опытных чайников. Надежда Сергеева. Русские сны о Венеции. Анастасия Цылина. Сказка об утраченном рае. «Каприйский текст» в современной русской литературе. **Забытая книга.** Дина Бродская. Разъезд 105. *Подготовка публикации Маргариты Райциной. Дом Зингера. Публикация Елены Зиновьевой* • 208–254

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена
Электронную распечатку рукописей присыпать
на погтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья ЛАМОНТ
(ответственный секретарь,
коммерческий директор)
Александр МЕЛИХОВ
(зам. главного редактора)
Маргарита РАЙЦИНА
(контент-редактор)

Ольга МАЛЫШКИНА
(шеф-редактор молодежных проектов)
Игорь СУХИХ
(шеф-редактор гуманитарных проектов)
Елена ЗИНОВЬЕВА
(редактор-библиограф)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

© Журнал «Нева», 2015

ществовал как культурный феномен и относился к разным уровням сакрального. «Слово в изображении как бы останавливает время. Его помещают в гербах в качестве девиза — как вечное напоминание о неизменяющейся сущности символизируемого объекта. Оно помещается в иконах для выражения сущности изображаемого, при этом сущности не меняющейся. По своей природе произнесенное или прочитанное слово возникает и исчезает во времени. Будучи „изображенным“, слово само как бы останавливается и останавливает изображение»⁵, — читаем в «Поэтике древнерусской литературы» Д. С. Лихачева.

В прошлом практики визуализации заявляли Слово как священный Дар и маркировали особые культурные локусы, воплощая идею герметичности знания. Информационная цивилизация стала эпохой тотальной разгерметизации («Найди код под крышечкой!»), подчинения речевых форм актуальным тенденциям и одновременно попыткой заключить океан информации в берега искусства.

Сегодняшние текстовые портреты ставят божественные лики в один ряд с лицами поп-звезд. Авторами таких портретов могут стать как профессионалы, так и неспециалисты. Для последних выпускаются практические пособия с пошаговыми инструкциями, не говоря уже о тоннах рекомендаций типа «10 идей как использовать книги в декоре мероприятия» (см. начало статьи).

Встраиваясь в современную социокультурную ситуацию, книги, а также сами слова и буквы в любом виде (будь то обобщенные образы, конкретные понятия или творческие мыслеформы) начинают выполнять утилитарные функции: становятся поделочными материалами, прикладными инструментами, декоративными элементами, модными аксессуарами. В сущности, это то же самое, что фотографирование книжных полок вместо чтения книг. И это некий онтологический сбой в системе мысли-речи. Проявления того же онкологоса — уродливой опухоли в теле языка и культуры в целом.

Или всё не так?

⁵ Лихачев Д. С. Древнерусская литература в ее отношениях с изобразительным искусством // В кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Э П О Х А И О Б Р А З Ы

Ренат БЕККИН

ТРИ СЮРПРИЗА от КОРМИЛЬЦЕВА

Кормильцев умел удивлять так, что это застrevало в тебе на всю жизнь. За время нашего короткого с ним знакомства он преподнес мне, как минимум, три сюрприза. Первый — приятный, второй — неприятный, третий... Впрочем, обо всем по порядку.

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил МГИМО (У) МИД РФ в 2000 году. В 2007–2012 годах — главный редактор литературно-философского журнала «Четки». Доктор экономических наук, профессор Казанского федерального университета.

Первый сюрприз содержало в себе короткое письмо: «Уважаемый Ренат, наконец, добрались и до вашей рукописи. По нашему мнению это может представлять интерес для нашего издательства. Скажите, пожалуйста, не изменилась ли у вас ситуация с повестью, есть ли другие предложения? Полный ли текст произведения выслали вы нам (есть сомнения)? С уважением, Илья Кормильцев» (24.10.2005).

Речь шла о моем романе (который Кормильцев поначалу упрямо называл повестью) «Ислам от монаха Багиры». Стоит ли объяснять, что значит для начинающего автора, у которого нет еще ни одной значимой литературной публикации, такое вот письмо от руководителя издательства. Сейчас, открывая тот роман, я понимаю, что никогда бы уже не написал ничего подобного. Постеснялся бы. Или не захотел. Или еще что-нибудь. Я успокаиваю себя лишь тем, что именно благодаря этому тексту я не только узнал Кормильцева, но и получил возможность работать с ним.

В сентябре 2005 года мы с бородачом Асламбеком Эжаевым — директором мусульманского издательства «Умма» — стояли возле входа в конференц-зал. Организованное Асламбеком мероприятие было посвящено выходу книги некоего Муслима Дмитрия Ахтямова с провокационным названием «Исламский прорыв». На обложке бородатый моджахед в камуфляже одной рукой держал за бороду дядю Сэма, а другой собирался нанести американцу смертельный удар в табло.

Интерес к роману Ахтямова был у меня непраздный. Время от времени я безуспешно пытался пристроить в издательства «Ислам от монаха Багиры». Услышав о том, что нашелся чудак, который издает литературное произведение на исламскую тематику, я заинтересовался. Оказалось, что издатель этот — некто Илья Кормильцев.

— Слышали о таком? — спросил Асламбек.

— Нет.

— Странно, вы же еще молодой человек, должны знать, — поразился Асламбек. — А вот, кстати, и он сам.

Кормильцев оказался полноватым улыбчивым джентльменом в белом льняном костюме с седоватыми всклокоченными волосами. Тогда Асламбек не представил нас друг другу и так и не успел рассказать, чем же знаменит этот Кормильцев, кроме того, что издал Ахтямова. Но я сам вспомнил, что ранее встречал его. Годом или двумя ранее я видел его здесь же, на книжной ярмарке на ВВЦ. Издательство, которым руководил Кормильцев (какое, я не запомнил), презентовало очередную книгу Лимонова, кажется его тюремные дневники. Они арендовали стоявший перед павильоном «Космос» самолет ТУ-154. Гостям предлагали спиртное. Все были веселы, громко говорили, хлопали друг друга по плечу. Я быстро смекнул, что попал на чужой праздник жизни, поглядел на умирающего Лимонова и ушел.

Прошло еще несколько месяцев, прежде чем до меня дошло, что Кормильцев — легендарный текстовик «Наутилуса», чьи стихи я знал еще в начальной школе.

Я не был фанатом русского рока, но мой дружок по парте Никита Семухин происходил из богемной семьи. Он в буквальном смысле говорил цитатами из культовых песен «Аквариума», «Кино», «Наутилуса». Он нередко обращался ко мне: брат мой, Каин. Я улыбался в ответ, не подозревая, какой на самом деле текст скрыт за этими шуточными словами.

Помню, как по наущению Никиты я написал одной девочке в классе — Юле — записку со следующими словами: «Разденься! выйди на улицу голой...» Последовали серьезные разборки с участием учительницы. До директрисы, слава богу, дело не дошло. Только пятнадцать лет спустя, открыв свежеизданную книгу Кормильцева «Никто из ниоткуда», я узнал, что это слова из его песни «Стриптиз», написанной для «Нау»:

мясники выпили море пива
мясники слопали горы сала
мясники трахнули целый город
но им и этого мало

И вот теперь этот человек выступал перед разношерстной аудиторией — посетителями книжной ярмарки, рассказывая что-то о книге «Исламский прорыв». После десяти минут сидения на неудобном стуле я ушел гулять по ярмарке — смотреть книжки. Я еще несколько раз возвращался в зал, но пресс-конференция все никак не желала закончиться, и я решил поговорить с Кормильцевым в другой раз.

Через пару дней я нашел в Интернете сайт издательства, сразу отправился на страницу «Контакты» и отправил Илье текст «Багиры» и коротенькое письмо: мол, слышал про роман Ахтюмова, вот вам еще один, в масть. Отправил и вскоре позабыл и об издательстве, и о Кормильцеве. И вот в конце октября это письмо, письмо-удивление, письмо-радость, письмо-судьба...

Издательство располагалось в обычной двухкомнатной квартире, недалеко от площади Трех Вокзалов. Все переговоры проходили обычно на кухне. Там же и подписывались бумаги, где в качестве закуски к кофе полагался табачный дым. Было в этом что-то заговорщицкое.

— Планируете продолжение приключений Абдуллы Петровича? — спросил меня Кормильцев после того, как я подписал договор. Абдуллой Петровичем звали главного героя «Ислама от монаха Багиры»

— Продолжение? Не думал над этим.

— Подумайте. Роман сам напрашивается на продолжение.

Я обещал, что подумаю.

— И еще у меня к вам, Ренат, есть одно предложение. Вы можете написать популярную книжку о шариате? Чтобы там в доступной форме излагалось, что это такое, рассказывалось, почему это актуально в наши дни.

— Попробую, — отвечал я, воодушевленный перспективой обеспечить себя заказами от книгоиздателя на пару лет вперед.

Илья между делом сообщил мне имя человека, которому я был обязан своим успехом в издательстве: Алексей Цветков. В тот день его не оказалось на месте. Пару месяцев спустя я получил от Алексея письмо:

«Здравствуйте, Ренат. Лигно мы не знакомы, так как меня не было в офисе в тот день, когда вы приходили к Кормильцеву. Работа моя в „Ультра.Культуре“ состоит в том, чтобы фильтровать поступающее, то есть я был первым гитателем (в нашем издательстве) вашего веселого интересного и по всем параметрам проходного романа. И теперь предлагаю проделать нечто обратное. Я написал, тогда, закончил, для конкурса „Исламский прорыв“ свой текст и шлю его вам в надежде, что вы найдете время проглядеть его и оценить. И заявка и сам текст в одном вордовском файле. Мне очень важно ваше мнение. Ответить можно на этот адрес или еще лучше на...»

Далее следовал адрес электронной почты, приписка: «В издательстве я считаюсь главным лоббистом мусульманства (Джемаль, Дудаева, Ахтюмов) и вот рискнул сделать что-то на эту тему сам» — и подпись: «Ваш гитатель Алексей Цветков».

Текст, присланный Цветковым, предназначался для новорожденной премии «Исламский прорыв», которую мы с Асламбеком придумали в тот же день, когда проходила презентация романа «Исламский прорыв» на книжной ярмарке.

Я предложил превратить придуманный Эжаевым сетевой литературный конкурс «Читая сладостный Коран» в полноценную мусульманскую литературную премию. Над названием для премии думали недолго.

— Премия имени Джалал ад-дина Руми, — сказал я первое, что пришло мне в голову.

— Почему сразу Руми? — обиделся Асламбек. — Он же суфий.

— Вы что-то имеете против суфиеv?

— Да ничего, но лучше не надо. Может, «Золотой калям»?

— Банально. Сейчас есть «Золотое перо», еще что-то золотое... Нет, не надо калям, тем более золотой.

Постояли в тишине пару минут.

— А может, так и назовем: «Исламский прорыв»? — сказал Асламбек.

— Ну-у... название красивое, зубодробительное, только так книга этого... Ахтямова называется. Реклама какая-то получается.

Других доводов против предложенного названия у меня не нашлось, и мы остановились на этом варианте. Роман Ахтямова к тому моменту я еще не успел прощать, иначе бы тогда точно запротестовал.

Асламбек обещал финансирование (в скромных пределах), а на меня ложилась вся остальная работа по премии: формирование жюри, работа с ним, ридерство, то бишь отбор текстов для лонг-листа, переписка с авторами, пиар премии и прочие приятные и не очень мелочи.

По вопросу о членах жюри мы с Асламбеком были поразительно единодушны: он предложил Кормильцева. Затем — то ли в шутку, то ли всерьез — посоветовал «прощупать» Лимонова.

— А он согласится? — недоверчиво спросил я.

— Думаю, что да. Вот номер его мобильного.

На следующий день я набрал Лимонова.

— Эдуард Вениаминович?

— Да, — четко и отрывисто прозвучал знакомый по телевизору голос. У меня возникло ощущение, что сейчас этот самый голос прикажет расстрелять меня, но я, памятуя о возложенной на меня миссии, продолжал:

— Меня зовут Ренат. Ваш телефон мне дал Асламбек Эжаев.

— Кто?!

Точно расстреляет.

— Асламбек Эжаев.

— Не помню... ну, неважно!

— Я секретарь премии «Исламский прорыв». Это новая литературная премия.

Создана в том году. Мы хотели пригласить вас в жюри.

— Хорошо. Куда нужно приходить и во сколько?

Вот это человек дела! Легок на подъем...

— Нет, пока никуда не надо приходить, — перепугался я. — Я вам перезвоню через пару месяцев.

— Хорошо, спасибо. Держите меня в курсе, пожалуйста.

— Спасибо.

Лимонов для меня тогда был лидером партии с непонятной идеологией. Я не мог решить для себя, левый он или правый, большевик или националист. В моей голове не укладывалось, что можно быть и тем, и другим. И еще третьим.

Незадолго до нашей с Асламбеком беседы я читал одно интервью Лимонова на сайте Islam.ru, в котором он говорил, что ислам ему очень близок. Он рассказывал, как в тюрьме познакомился с мусульманами, узнал, какие это хорошие и сильные люди. По мнению Асламбека, этого было достаточно, чтобы предложить Лимонову место в жюри. Не исламофоб, и на том спасибо.

С остальными потенциальными «юристами» возникли сложности.

Фазиль Искандер своим фирменным скрипучим голосом произнес уверенный отказ, сославшись на плохое самочувствие. Борис Васильев уже было согласился, но я сдуру стал распространяться, что у нас в жюри Лимонов, и Борис Львович от негодования даже забыл попрощаться со мной. Дмитрий Быков вежливо ответил, что это «не его». Еще несколько поэтов и писателей также отказались, потому что их пугало название премии.

Все как будто сговорились.

— Понимаете, я человек православный, — извиняющимся тоном говорил собеседник. — Вот если бы вы назывались премией имени Ходжи Насреддина или Омара Хайяма, тогда другое дело.

И тут я вспомнил о литературных журналах. Кому как не «Дружбе народов» быть в авангарде исламского прорыва? Я позвонил главному редактору Александру Луарсабовичу Эбаноидзе. Долго уговаривать его не пришлось. Эбаноидзе — пожалуй, самый замечательный грузин из тех, кого я знаю.

В качестве представителя молодых я после некоторых сомнений пригласил Шаргунова. Я не мог найти ответ на тот же самый вопрос, что и с Лимоновым: кто этот Шаргунов? Красный или коричневый? Что, если он вдруг начнет выкрикивать какие-нибудь политические лозунги на наших мероприятиях. Я поделился сомнениями с Асламбеком, но тот успокоил меня: «Будет хулиганить, я ему в туалете внушиение сделаю».

Желание сделать все в наилучшем виде сыграло со мной злую шутку. За несколько дней до церемонии награждения в клубе «Улица ОГИ» на Петровке я разослал информацию в СМИ.

Стоило ли потом удивляться, что за пару часов до мероприятия перед клубом уже переминались какие-то отморозки с плакатами: «Лимонов, тебе не вручать, а получать, и не призы, а срок!», «Стремились к толерантности, а получили фашизм». Была еще выдранная откуда-то из небытия цитата из Кормильцева о его ненависти к русскому народу.

Двор перед клубом был полон народу. Я заметил некоторых лауреатов. Цветкова с красавицей женой и малолетней дочкой в вязаной шапочке. Писателя Абузярова на качелях, о чем-то неторопливо беседовавшего со своим земляком — муллой Батровым. Приехавший за премией от имени Хольм ван Зайчика раскрасневшийся фантаст Вячеслав Рыбаков что-то волнительно говорил другому лауреату, представлявшему коллективного автора под псевдонимом Глеб Павлоид. Эбаноидзе сидел на скамейке и читал газету.

Ближе всего к митинговавшим стоял Асламбек. Он дружелюбно беседовал подле своего джипа-тачанки с каким-то типом в кожаной куртке. Я сразу догадался, кто это. По двору прогуливались двое его коллег, обстреливавшие глазами садик.

Я приблизился к Асламбеку. Литературовед в штатском недоумевал, зачем мы, мусульмане, взяли в жюри Лимонова: он же голубой. На это Асламбек дипломатично возражал, что по шариату нельзя голосованием обвинять человека в незаконных сексуальных контактах. Если ты не сможешь доказать этого, то придется самому испытать всю тяжесть наказания, на которое обрекаешь невинного человека. На литературоведа в штатском эти слова не произвели впечатления.

Я отошел в сторону и набрал номер Лимонова.

— Эдуард Вениаминович... Это Ренат из «Исламского прорыва»... Вы знаете, что вас тут ждут... с плакатами?.. Планируете приезжать? Или начинать без вас?

— Да, спасибо, мне уже сообщили, сейчас в пробке стою. Извините, но, похоже, я не появлюсь сегодня у вас. Я знаю, что против меня готовится провокация. Поэтому, чтобы не портить вам мероприятие, я лучше не поеду.

Лимонов знал, что говорил. Незадолго до этого силовики натравили на Лимонова несовершеннолетних, и когда охрана стала отбивать вождя, это был подано как избиение приспешниками вождя «малолеток».

В качестве компенсации за отсутствовавшего Лимонова вскоре появился негнущийся Шаргунов, по какой-то причине пропустивший предыдущее мероприятие в РИА «Новости». Как заправский вождь, Сергей протягивал почитателям свою длинную холодную руку. Всем своим видом он говорил: «Так, что тут у вас?.. Не волнуйтесь, разберемся...»

Только сейчас я заметил Илью. Он сосредоточенно прогуливался по двору с редактором издательства Володей Харитоновым. Видно было, что его беспокоит что-то более важное, чем направленные против него плакаты.

— Илья, как вам все это безобразие? — спросил я его.

— Бог с ними. Что с них возьмешь. Люди отрабатывают свои деньги.

— А в остальном как?

— Новые ботинки жена подарила. Жмут, — говорил он, с умилением глядя себе под ноги.

Он обо всем говорил с поразительной легкостью. Его и в самом деле в тот момент больше интересовали его ботинки, чем мнение людей, пришедших вылить на него помои.

Он и к своему измученному болезнью телу относился как к ботинкам: пожмут и перестанут. Да, жмут ботинки, но не выбрасывать же: все-таки жена подарила. Тело — болит, но куда его денешь? Мама в свое время подарила. Да и другого нет...

— Илья... — начал было я, но в этот момент нас всех позвали в клуб.

— Что? — спросил Кормильцев.

— Ладно, потом.

Церемония прошла без лишнего пафоса и многочисленных, никому не нужных слов. И жюри, и лауреаты были довольны. Премия, как и следовало ожидать при таком жюри, в полной степени отвечала эстетике и законам постмодерна. На премии «Исламский прорыв», названной в честь романа Ахтюмова, одно из призовых мест в номинации «Публицистика» заняла критическая статья, в которой громился этот роман...

Когда все вышли из клуба, наемников с плакатами уже не было. Поняв, что Лимонов не появится, а Кормильцев не реагирует на провокации, они были отпущены по домам с благословения начальства в штатском.

Кормильцев курил, о чем-то беседовал с лауреатами, признававшимися ему в любви, не угасшей со времен «Ная».

У меня чесался язык спросить Илью об одной вещи, которая не давала мне покоя вот уже несколько месяцев, но все никак не было повода. На объявлении лонглиста в РИА «Новости» его увидели куда-то журналисты, в издательство у меня не было случая зайти. Я уже было собрался с мыслями перед церемонией, но и тут не вышло. А писать по почте об этом не хотелось.

Мой вопрос касался второго сюрприза от Кормильцева. Он ждал меня на выходе из метро «Арбатская» одним декабрьским вечером 2005 года, за полгода до вручения премии. Поднявшись на эскалаторе, я угловым зрением заметил стол, на котором были разложены книги. Первое, на что упал мой взгляд, была книга какого-то Нестерова «Скины. Русь пробуждается». Дожили! В самом центре Москвы, в метро официально продают книги о скинхедах. Но это было еще полбеды. Я открыл книгу и... замер. На ней стоял хорошо известный мне логотип издательства «Ультра.Культура» с головой инопланетянина. На обороте были слова Алексея Цветкова о книге. Боже мой, с кем я связался!

«За красным восходом — коричневый закат». Эти слова, написанные Кормильцевым для одной из самых известных песен русского рока, были лучшей иллюстрацией к тому, что я тогда почувствовал...

В тот же вечер я написал письмо Цветкову, полное удивления и нескрываемой досады.

«Алексей, как вы могли издать Нестерова? — писал я. — Ты же левак. Это же фашизм в чистом виде!»

Цветков прислал мне обстоятельный ответ. Начал он немного издалека:

«Работа началась с того, что мне поручили составить и откомментировать двухтомник «Современный анархизм и левый радикализм». Я был в восторге. Потом Асламбек принес биографию Дудаева и мы ее охотно приняли, тем более, что у нас выходил переводной Парфрей („Аллах не любит Америку“).

Дальше у меня приняли книгу об антиглобализме (Суперприсутствие) и философский сборник Джемаля, который я составлял сам, плюс Кагарлицкий. Все шло великолепно, и вот от Кормильцева поступает новое задание: подготовить к публикации роман Нестерова „Скины“. На мои осторожные, но настойчивые вопросы Илья так же мягко и столь же настойчиво отвечал, что издательство создано для того, чтобы дать слово всем несогласным и выпадающим из мейнстрима, а не только тем, которые нам симпатичны, и что на рынке нет романа о русских скинах, а спрос явно присутствует.

Повторяя себе, как мантру, эти слова, я засел за работу. Мне удалось сократить роман на треть. Убрать из него самые оголтелые сцены, самую дикую пропаганду, бесцисленные и бесконечные цитаты из „Майн кампф“, идиотские рассуждения про взаимоотношения наций и т. п. Хотя все равно осталось там этого немало. На обложке я написал отзыв, где гостно объяснял причины появления скинов, как я их понимаю. И все равно чувство тошнотворного компромисса охватывает при воспоминании об этой работе. Можно было хлопнуть дверью и уйти. Тогда не было бы никакого Джемаля, Дудаева и Кагарлицкого впридачу (это были мои авторы, которых я продвигал). В каком-то смысле, чтобы не попадать большие в такие ситуации, я и ушел из редакторов... став скромным и ниже оплатываемым „принимающим рукописи“. В этих самых рукописях таких романов про скинов было еще несколько, но всех их удалось утопить. (Нестерова Илья принес под мышкой сам не знаю откуда и все решил сам.)

Новое положение позволяет мне редактировать только те рукописи, которые я считаю проходными (Ахтюмов — последний пример, там моя литературная правка).

А настет рынка Илья оказался прав, „Скины“ имели огонь большой успех. На втором издании я попросил, чтобы мой отзыв сняли и дали вместо меня Диму Быкова, который сравнивает Нестерова с Толстым, так как Диме все равно кого с кем сравнивать. Так что теперь, если наше издательство и принимает фашистские книги, то безо всякого моего участия. Илью я понимаю („все, кто дерется с милицией и не верит телевизору, наши авторы“), но это не значит, что я с ним соглашуюсь.

Извините, что так долго. Коротко не объяснишь. Да и Ваш вопрос для меня важнее, тем для вас» (24.12.2005).

Это длинное вежливое письмо многое объяснило для меня. Я представил себе Кормильцева в вельветовой желтой кепке, в коричневых вельветовых же брюках и неопределенного цвета свитере с рукописью в его тряпичной сумке, которую он носил через плечо. Наверное, в тот день шел дождь. Он пришел в издательство и тихо, но твердо сказал: «Это надо напечатать...»

Все это было понятно. Неясно мне было только одно: каким образом вписывается мой миролюбивый текст в концепцию издательства? С милицией я никогда не дрался. Телевизор смотрел. И еще. Мне показалось тогда, что Цветков немного лукавил, противопоставляя левую литературу правой. Продвигаемый им «Исламский прорыв» Ахтямова оказался вещью, написанной в том же жанре, что и роман «Скины». Разница была, пожалуй, лишь в том, что настольной книгой у персонажей Нестерова была «Майн кампф», а у обрезанных белокурых бестий Ахтямова — Коран. Понимал ли Цветков мнимость различий между этими текстами Нестерова и Ахтямова — до сих пор не могу найти этому объяснение.

Быть может, дело тут в вирусе постмодернизма, которым титан постмодерна Кормильцев заразил любителя парадоксов Цветкова. Но Цветков тоже не остался в долгу и «заразил» Кормильцева исламом. Не столько исламом, как всеобъемлющим образом жизни, как набором ритуальных практик и мировоззрением, основанным на строгом единобожии, а исламом как религией протеста.

«Я сам не мусульманин, — признавался в одном из интервью Кормильцев, — но испытываю большое уважение к исламу, и моя собственная христианская вера сильно модифицирована исламом, сдвинута в сторону многих исламских ценностей, особенно в области политico-социальной».

Сам Цветков не скрывал источник собственного «заражения». Звали его Гейдар Джемаль. Этот философ-самоучка каким-то необъяснимым образом стал крестным отцом для целой группы молодых русских интеллектуалов, принявших под его влиянием ислам. Среди них были как убежденные леваки (типа Анастасии (Фатимы) Ежовой), так и правые, ярким представителем которых стал Вадим Сидоров, взявший себе мусульманское имя Харун. Собственно говоря, из среды последних и вышел автор «Исламского прорыва» — Дмитрий Ахтямов. В Джемале в не меньшей степени, чем в Кормильцеве, уживались и уживаются несовместимые на первый взгляд вещи. Не случайно книги шиита Джемаля печатал придерживавшийся пуритских суннитских взглядов Асламбек Эжаев. Некоторые книги он передавал «Ультра.Культуре», участвуя в издании книги деньгами. С Джемаля, собственно говоря, и началось сотрудничество двух издательств. Связующим звеном здесь выступал духовный ученик Джемаля Цветков.

Интеллектуальный ислам от Джемаля был очень удобен для светского человека. Он не требовал от адепта скрупулезного соблюдения обрядов, начетничества. Главное, что здесь требовалось, — это понимание протестного духа исламского вероучения, его универсальности для всего человечества в качестве средства борьбы с несправедливостью.

«Я считаю, что ислам выполняет в мире последнюю сдерживающую роль по отношению к триумфу неоконсерваторов, которую в свое время выполнял Советский Союз по отношению к триумфу мирового неолиберализма, — говорил Илья в интервью. — Это не значит, что я согласен со всеми заносами исламской радикальной мысли. Но это значит, что я вижу (как в слуге со скинами), что нам предлагают льготное лекарство от реальных болезней. И на этом этапе, пока они реально облагают эту реальную болезнь, равно как и правые радикалы, я с ними в одном строю» (Интервью «Телеграфу», 2 февраля 2006 г.).

Слова эти были произнесены Кормильцевым в феврале 2006 года. Иными словами, ислам для Ильи, по крайней мере за год до смерти, был лишь одним из орудий борьбы с буржуазным конформистским быдлом, с властями. Мощным орудием, но не единственным. Об этом говорит еще один проект Кормильцева — сайт джихад.ру.

Несмотря на исламское название, на сайте публиковались не только исламские

тексты (вроде трогательного стихотворения-признания «Глаза Мовсара Бараева» некоего Игоря Лисника, рассказ «Хизб аш-Шайтан» бывшего францисканского монаха Кландестинуса, принявшего ислам), но и очерки истории протестного движения в других странах (например, краткая история Фракции Красной Армии (RAF) Алексея Цветкова).

Кормильцев стал больше интересоваться исламом, в его лексиконе все чаще можно было услышать слова «Аллах», «иншаАлла» («если будет угодно Аллаху»). Однако все видели в этом здоровый pragmatism, при котором все средства борьбы с властью хороши. Так думал и я. Неудивительно, что новость о принятии Ильи перед смертью ислама стала для меня полным сюрпризом. Третьим сюрпризом от Ильи и, к сожалению, последним.

Я позвонил Цветкову.

— Правда, что Илья принял ислам?

— Не знаю, но главное, чтобы ислам принял Илью, — лукаво отвечал Цветков.

Сейчас можно спорить на тему о том, что окончательно повлияло на выбор Кормильцева — то, что рядом с ним в нужное время и в нужном месте оказались нужные люди, или что-то другое. Сложно оценивать поступки человека, который уже слышит голоса ангелов. Ему известно больше, чем тем, кто находится в добром здравии... Однако вряд ли произнесенная им на смертном одре шахада была одной из «подцепленных из постоянного общения ритуальных формул», как сказал Илья в одном из интервью. Это было осознанное действие, послание, адресованное не столько новым единоверцам, сколько власти.

Новость, озвученная Джемалем, оказалась подарком для тех, кто всем сердцем ненавидел Кормильцева. Таких оказалось немало. Илья сам приложил к этому руку. У него, как отмечают все, кто знал его, был невероятный дар портить отношения с разными людьми, в том числе с коллегами и друзьями. К хору голосов персональных врагов Кормильцева добавились те, кто не знал о его существовании, но всем сердцем ненавидел ислам. В прессе появились тексты в духе: «Еще один враг России принял перед смертью ислам в Лондоне».

Врагом и ненавистником России Кормильцев, конечно же, никогда не был. Но не был он и тем, кто сейчас именует себя патриотом. Он был настоящим художником, который чувствовал себя комфортно там, где ему хорошо работалось. Но, как это часто бывает, своим питаемым здоровым эгоизмом творчеством он внес вклад в русскую культуру куда больший, чем те, кто в слепой плебейской ярости обвинял его во всех смертных грехах, главным из которых была нелюбовь к Родине.

Летом, незадолго до своего окончательного ухода из этого мира, он сидел на кухоньке в «Ультра.Культуре», выкуривал одну сигарету за другой и на вопрос «Как дела?» — меланхолично отвечал: «Нормально, только спина болит».

— А издательство?

— ИншаАлла, все будет хорошо.

Я приходил подписать договор на издание книги «Шариат для тебя». Книга была уже почти готова, но в то, что она выйдет, я уже не верил. Илья, кажется, тоже, хотя и не показывал этого. Оставалась надежда, что напечатают «Ислам от монаха Багиры»: все-таки он был уже сверстан и подписан в печать, были потрачены деньги на аванс автору, но и здесь не было сильной уверенности. У издательства начались финансовые проблемы. Книги не выходили. К «Ультра.Культуре» были претензии со стороны разнообразных контролирующих органов. Кормильцев до конца боролся за издательство, пока ему давало это его больное тело.

Во время нашего последнего разговора на кухне я почему-то вспомнил про те самые ботинки и украдкой заглянул под стол. На Илье были совсем другие туфли...

— Илья, а где ваши ботинки? Те, что подарила жена.
— Не смог я их разносить, в Лондоне они остались. Меня ждут, — отвечал Илья. Дождались...
Из Лондона Илья вернулся уже в гробу. Кто знает, может быть, в тот день, на панихиде в ЦДЛ на нем были те самые туфли...

Р Е Ц Е Н З И И

Монологи о травелогах

Травелог — модный и быстро развивающийся жанр, границы которого точно не определены. В ответ на запрос Google предлагает пятнадцать тысяч русскоязычных «результатов», в то время как скромный и более привычный для историка литературы термин «литература путешествий» ограничивается всего тремя тысячами. Нагнающие авторы,магистранты отделения критики и литературного редактирования СПбГУ,проглатили современные травелоги с разной степенью умения и пристрастности. Впрогем, важнее, что книга для этого поколения не заменяет/отменяет реальное путешествие, а предваряет/дополняет его. Мир уже/еще открыт. «Письма русского путешественника» может продолжить каждый. Ведь травелог — нынешний бренд.

Игорь Сухих

Игра в ассоциации

Александр Генис. Космополит. Географические фантазии. М.: АСТ: CORPUS, 2014. — 512 с.

Испания — коррида, Англия — империя и вечный туман, Япония — иероглифы и практика созерцания, Америка — статуя Свободы... Уверена, каждый сможет продолжить эту игру, начатую Александром Генисом в новой книге. И не только продолжить, но и добавить к каждому географическому названию свои ассоциации, ведь путешествие не безлично, а его описание всегда происходит через призму восприятия самого путешественника.

Игра начинается уже с обложки. Называя книгу (а заодно и себя) космополитом, Генис, конечно же, знает, что это слово обладает, как минимум, двумя полярными коннотациями. Во-первых, для советского человека это слово знакомо в сочетании «бездонный космополит», которое по внушению властей приобрело резко негативный характер. Так, в частности, называли евреев, подозреваемых в диссидентстве, с ними велась борьба. Но с другой стороны — слово, означающее «гражданин мира», само по себе не несет ничего отрицательного. Это не тот, кто отказывается от своей национальности, а, скорее, тот, кто болеет за все человечество, поскольку считает весь мир своей родиной. Позиция, берущая свое начало от греческих корней, но наиболее близкая современному глобализированному миру. Суть в том, что слово «космополит» характеризует данного автора во всех своих смыслах. Александр Генис родился в Рязани, вырос в Риге и многие годы живет в Нью-Йорке. Для него космополит — тот, кто всюду чувствует себя своим, его любовь к чему-либо определяется произвольностью выбора (и это отличает его от эмигранта). Причиной, служащей принятию этого слова как самоопределения, стали совсем не еврейские корни, а детская страсть к географии. «Даже в юности я мечтал не покорить мир, а посетить его», — признается писатель.